

Глава 8. Светлое сердце

XCII.

– У этого нет формального названия, – сказала Оксана, осматривая левую руку Лу.

– Я несколько раз видела это у пациентов. Я бы назвала это темпоральным ПТСР. Или темпоральными фантомными болями.

– Как это?

– Я подозреваю, что мы умерли, Лу. Это не было в другой реальности, это не стерлось из нашей.

– Я не думаю, что я умерла, – растерянно произнесла Лу, – но я точно кого-то потеряла.

Оксана кивнула.

– Арк вернул в прошлое очень небольшой кусочек нашего мира. Но время – очень сложная психоэнергетическая структура, у него глубокие корни в нашем сознании. С телом может быть всё нормально, но наш разум пережил смерть. Или что-то похожее. И каким-то невероятным, неясным для меня образом он это чувствует. Где-то в глубинах нашего подсознания скрывается это понимание.

– И что с нами будет?

– Не знаю точно. Но у всех будет по-разному. Физически мы здоровы. Кошмары, панические атаки, смутные флешбэки, психосоматические боли – к ним нужно быть готовыми. И поделаться с этим что-то очень трудно. Может, и есть какая-то терапия, да где же ее взять...

Оксана вышла из-под медицинского тента, который на скорую руку соорудили прямо на площади, у входа в госпиталь. Лу пошла за ней. В асфальте неподалеку виднелась глубокая проеденная гнилью дыра. С другой стороны новой палатки лежали накрытые белыми покрывалами тела погибших. Их были десятки. Висел тяжелый нашатырный и металлический запах. Лу валилась с ног от усталости. Пшигода, Ахил и Пилар с десятком добровольцев собирали по всей площади раненых и убитых, доставляли к Оксане. На выходе из-под медицинского тента лежал печальный Карман. Лу присела и погладила песика за ухом. Оксана закурила.

– Оксана, что с Арком?

– Жив. Чрезмерное истощение всех колдовских и просто человеческих сил, как бывает после изматывающих заклинаний. Я немного в него влила, просто чтобы дышать не перестал, остальное сам доберет со временем. Темпоральная магия необыкновенно требовательна. А Арк еще не до конца оправился от предыдущей травмы.

– Он нас спас. Нас всех.

– Да, я полагаю, это так.

– Что произошло? И как мы все погибли?

– Не знаю. Ну, то есть, нас всех каким-то образом убил Тараск, но подробностей знать не могу. Если Арк захочет, он нам расскажет. Но я спрашивать не буду. Не уверена, что хочу это слышать.

Лу на секунду задумалась. Что-то поменялось внутри нее после событий на Александрплатц. Перефокусировка, переоценка ценностей. Некоторые вещи перестали быть важными. Некоторые оказались важнее, чем когда-либо.

– А как такое колдовство вообще работает?

– Мне трудно это описать. Нужен замкнутый колдовской контур определенной конфигурации, а потом нужно особым образом на нем сфокусироваться. Как, в общем-то, всё колдовство.

– Ты узнала об этом в Изнанке?

– Я никогда не была в Изнанке, Лу. Меня научил Александр. Он решил, что мне, как врачу, пригодятся эти заклинания. И действительно, это единственный известный мне способ обратить вспять вообще весь физический ущерб, даже смерть. А я в свое время показала это Арку, когда лечила Кармана однажды, по старой дружбе. Еще тогда пошутила, что он мне должен теперь. Ну вот, отдал долг. К тенту подъехала дрезина, и Пшигода с Пилар стали на носилках выносить из нее новых пострадавших. Оксана затушила самокрутку, кивнула Лу и ушла внутрь. Лу подошла, обняла Ирджиха, не таясь, у всех на виду.

– Как ты? – спросил он.

– Рука болит, а так ничего. А ты?

– У меня всё болит... и не болит одновременно. Иногда кажется, что тело, кигва, пропустили через мясорубку. Я прислушиваюсь к себе, и всё нормально. Обычные ушибы и ссадины.

– Да, понимаю. Бедный. Сколько их? – спросила Лу, показав на ряды накрытых тел.

– Около сотни погибших, еще столько же раненых. Многих убили тойфели, остальных раздавило в толпе, когда пошла волна паники.

– Ужас.

– Спасибо Оксане, их могло бы быть гораздо больше.

Лу хотела сказать про Арка, но почему-то промолчала. Лишь подумала: «Успеется. Может, если ты умер, лучше об этом и не знать».

– Я одного не понимаю, – продолжил Пшигода. – Где был, кигва, Александр? Почему он не вмешался?

Лу промолчала. Ее занимал тот же вопрос.

– Неужели ему настолько наплевать?

XCIII.

Арк открыл глаза. Всё ныло. Рана от ножа на правом плече снова болела. Он лежал в большой светлой палатке вместе с еще полусотней людей. Где-то на

другом конце виднелась Оксана. Арк с облегчением откинулся на жесткую койку. «Кажется, получилось. Несмотря на обилие раненых вокруг, основной урон, судя по всему, я предотвратил. Этот теракт не пройдет незамеченным. Виктор понесет наказание, особенно учитывая то, что есть много доказательств. Но как ему удалось так быстро всё повернуть? Ему же нужен был бюст...

Доротей!»

Арк поднялся, осторожно встал с койки. Ноги его вроде бы держали. Плечо болело, но не кровоточило. Ногти на руках чесались. Но, если не брать во внимание бесконечную усталость, всё с ним было в порядке. Он поглядел на Оксану. Она была занята с другим раненым и не обращала внимание на происходящее вокруг. Арк тихо вышел наружу. На выходе его ждал обрадовавшийся Карман. Арк присел, чтобы погладить песика, и задумался. Брать его с собой не хотелось. Терьер выглядел измученным, а Лу о нем позаботится. С другой стороны, Арк, вероятно, шел в ловушку, а Карман всегда был его тайным оружием. Вопрос упирался в то, насколько Арк верил Доротее.

Подумав еще секунду, он не нашел однозначного ответа. Придется идти на компромисс. Всё оружие, которое было в куртке, он потратил на тойфелей. Открыл Пасть, достал оттуда две взрывахи, жезл-парализатор и заряженный пистолет фирмы «Вальтер». Любимый револьвер потерялся в Шпрее, но это было лучше, чем ничего. «Как в старые добрые времена», – усмехнулся Арк, рассовал добычу по карманам и снова погладил собаку.

– А теперь иди к Лу, – сказал он. – Вон она, там, смотри.

Лу о чём-то говорила с Пшигодой вдалеке. Арк подавил желание подбежать к ним, обнять, пощупать. Побоялся, что отговорят его от затеи, что не дадут пойти к Доротее. Что у него самого не хватит сил это сделать. А знать он должен. Слишком многого он пока не знает.

– Где Лу? Карман, где Лу? – преувеличенно восторженно сказал Арк.

Песик повертел башкой, увидел Лу, завилял хвостом, побежал к ней, а Арк в это время накинул капюшон и, не оборачиваясь, быстро зашагал в другую сторону. Идти было нелегко. Всё тело ныло пуще прежнего, а в голове роились дурные предчувствия. Арк пошел на юг, на не тронутый Тараском конец Александрплатц, почти дошел до Шпрее, повернул направо. Берлинский Дом возвышался прямо перед ним. Толстый, массивный зеленый купол, казалось, выпирал из пространства, давил своим присутствием. Вдобавок ко всему шел снег – крупный, тяжелый. Куртка спасала, но ноги Арка быстро озябли. Он начал жалеть, что пошел, что не отложил всё на завтра. Что они не отправились на Музейный остров всей командой. Чтобы что? Развязать там войну? Обреченную, глупую, кровопролитную? Снова всех потерять? Нет, надо действовать через Совет. Только у Совета есть сила справиться с Виктором, за всё его наказать. А Доротей

будет важным свидетелем, главным свидетелем. Как говорили в детективах, краеугольным камнем обвинения. И он во что бы то ни стало должен ее спасти.

Музей Бодэ стоял на месте, как ни в чём не бывало выглядывал из-за Берлинского Дома. У входа на длинных шестах были насажены три собачьи головы. Арк с удивлением и радостью узнал в одной из них Йохана. «Видимо, конфликт с Виктором перешел в открытую фазу», – решил он и ускорил шаг.

Двери были открыты. Навстречу Арку вышел Фарук, кивнул, поманил за собой. Арк пошел по шахматному полу длинного коридора, уставленного статуями. Доротея ждала его в небольшой комнате сбоку от основной галереи. Комната была практически пуста, только пара статуй из очень белого мрамора стояли по углам и смотрели в центр комнаты. Там стояли два кресла и кофейный столик. Доротея встала ему навстречу. Выглядела она как обычно – вызывающе привлекательно, но Арк сумел углядеть в ее движениях усталость, а во взгляде – грусть.

– Я рад, что ты в порядке, – сказал он.

– Я как раз хотела тебя найти, – сказала она одновременно с ним.

Слова смешались, перепутались, и оба неловко улыбнулись. Арк хотел спросить ее про бюст Нефертити, но на секунду потерялся в блестящих колодцах темно-синих глаз, и она успела подойти к нему близко-близко.

– Доротея, – сказал он.

– Арк, – сказала она и положила руки ему на плечи. Затем потянулась и легонько коснулась губами его лица – сначала под глазом, потом посередине лба, а потом ниже губ, и приятная прохлада растеклась по всему его телу. Доротея отстранилась и произнесла:

– Прости.

Арк поначалу не понял, а потом понял, но было уже поздно. Прохлада никуда не делась, она только усилилась и окрепла, охватила всё его тело, пустила корни в его нутро, и он превратился в белую мраморную статую – такую же, как все остальные.

XCIV.

Уже давно стемнело, когда Лу, Пшигода, Ахил и Карман, истощенные, бесконечно подавленные, поехали домой. Всю дорогу валил тяжелый сухой снег, забивался в колеса дрезины, создавал заторы, которые Пшигоде то и дело приходилось разгребать посохом Пилар. Лу управляла, но, по сути, дрезина ехала сама, как послушная корова, знающая свое стойло. Думать о том, куда пропал Арк, не было сил. Думать о том, что произошло, не было сил. Думать о том, что будет дальше, не было сил, но мысли эти сами лезли в голову. Что сделает Александр? Что сделает Совет? Являются ли они трое сейчас единственными знающими, кто стоит за атакой на Александрплатц.

Когда они приехали, то грузно выпали из дрезины, Акхил пошел запирать ее в гараж, а Лу и Пшигода сразу поднялись наверх, в кабинет. Кирха была темной и пустой. Лу направленным взглядом быстро зажгла камин, подождала, когда Акхил зайдет внутрь, и стала возводить защиту. Пшигода наблюдал за ней молча. Окружив кирху двумя энергетическими щитами, одним гравитационным и еще одним сигнальным полем, Лу успокоилась. Без сил опустилась в кресло. Пшигода завернул самокрутку, поплюнил края, поджег. Говорить не хотелось. Всё важное было понятно без слов. Так она и заснула, с ногами на кресле, съежившаяся у камина, сквозь сон чувствуя, что, когда Пшигода докурил, он бережно отнес ее в кровать. Спала глубоко и, слава богу, без сновидений.

Разбудила Лу ее же собственная сигнальная система. Кто-то стоял у двери, не пытаясь, впрочем, войти. Было часов шесть утра. Рядом храпела гора. Левая рука ныла, но не сильно. Лу вылезла из кровати, ополоснула лицо, быстро надела случайные пиджак и брюки, спустилась вниз. Человек у входа был высоким, почти на голову выше нее. Смазливое лицо увенчивала копна светлых волос. Лу сняла сигналку, но остальные щиты снимать не стала.

Незнакомец поклонился.

– Мое имя Теофан, я ученик Скелета из Моабита. Пришел сообщить вам, что завтра в десять утра вы, Аркадий Колесничий и Ирджих Пшигода приглашаетесь на срочное заседание Совета. В качестве свидетелей и непосредственных участников ужасных событий на Александрплатц.

«Хорошо, – зло подумала Лу, – может быть, на Совете мы увидим-таки Александра».

– Также вам троим и вашим помощникам выносятся официальная благодарность Совета за спасение жизней людей и устранение угрозы от действий Тараска. Совет очень ценит ваши усилия и восхищен результатами.

– Спасибо, Теофан, – ответила Лу. – Я рада, что наши усилия не прошли незамеченными. Передайте Совету, что мы с нетерпением ждем их усилий и сопутствующих результатов.

Теофан чуть поклонился и ушел. Перед этим в уголках его глаз Лу увидела усмешку.

«Ну что ж, хорошо, – решила она. – Пора брать дела в свои руки. Других рук у нас больше нет».

– Кто это был? – спросил Пшигода. Он прятался за дверью кирхи с каким-то жезлом, готовый кинуться в атаку.

Лу поцеловала его, скривилась от утреннего запаха.

– У нас сегодня будет много работы, – сказала она и пошла ставить кофе.

ХСV.

Смотреть мраморными глазами Арк научился достаточно быстро. Мрамор был каким-то необычным, живым: он чувствовал колебания ветра, даже прикосновения, когда Фарук перетаскивал его в угол комнаты; он подавлял, но не полностью гасил внутренние ощущения вроде боли в плече или усталости; и он вообще никак не менял чувства и эмоции наподобие глубокого разочарования и злости. Вскоре Арк уже смотрел на мир, сузившийся до двух кресел, столика и статуи напротив, через белесую пелену мраморных глаз. Уши тоже работали: он слышал эхо шагов, обрывки разговоров хундескопфов, патрулирующих коридор. Двигаться он не мог совсем. Все попытки оказались тщетными и привели только к большей усталости и легкой тошноте. Впрочем, возможно, последнее относилось к ситуации, в которую Арк завел себя сам.

Счет времени он потерял моментально. Минуты сливались в часы без всякого учета. Окон в комнатке не было, и даже отслеживание смены времени суток было ему недоступно. Кроме того, он подозревал, что несколько раз проваливался в сон на неясный период времени. Единственным, что поддавалось измерению, были события. Их произошло немного. Два прохода патруля по коридору мимо его комнаты и шальная муха, пролетевшая мимо.

Дверь скрипнула. Раздался приглушенный шум шагов. В горле почему-то защипало. В поле зрения Арка вошел человек, похожий на бухгалтера в отпуске. Он был невысокий, с явной залысиной на макушке. Подвижные кустистые брови. Крючковатый нос венчали очки, под которыми прятались хитрые, глубоко посаженные глазки. Руки были длинными, тело – худым и не мускулистым. Одет он был в джинсы и рубашку навыпуск.

– Здравствуй, Аркадий, – сказал человек, обращаясь к Арку. – Давно хотел с тобой познакомиться. Меня зовут Виктор Лихтенхерц.

Арк возмущенно промолчал. Горло заболело сильнее.

– Особенность этой нашей встречи в том, – продолжил человек, – что ты не можешь говорить. На счастье, я умею читать мысли, даже каменные. Поэтому, пожалуйста, не стесняйся, думай свободно. Я услышу.

Арк выдал серию мысленных образов того, что сделал бы с Виктором Лихтенхерцем, владей он своим телом.

Виктор махнул рукой.

– Пожалуйста, контролируй детские позывы. У меня не так много времени. Кстати, о времени, – добавил он, поправив очки. – Замечательная работа на Александрплатц. Филигранная.

Арк сформировал в голове несколько картинок того, как Тараск разрывает людей на части.

Виктор кивнул.

– Да, меня информировали. Это же я его туда послал. Между прочим, благодаря тебе. Иначе я еще долго тратил бы собачек, чтобы выловить бюст Нефертити. Во многом ответственность за события на Александрплатц лежит на тебе, Аркадий.

– ...

– Не преувеличивай. Я просто человек, который не дает морали управлять своими действиями. Мне очень жаль, что погибли люди, и я рад, что не погибло больше. Опять-таки, надо отдать должное, благодаря тебе. Но гибель людей никогда не была моей целью.

– ?..

– Гибель людей – вообще никогда не цель. Гибель людей – это средство. Жесткое, но крайне действенное. Теперь мы с тобой вместе будем наблюдать – я специально попрошу Доротею тебя информировать, – как будет закатываться политическое солнце Александра. Как люди, которые его еще неделю назад боготворили, начнут плевать в основание телебашни. Всемогущество – плохой политический аргумент. Оно ведет к апатии, а люди апатию ненавидят. Именно поэтому, каким бы Александр не был всемогущим, выборы выиграю я.

– ?..

– Конечно! Получу победу на выборах и, следовательно, власть над всем Берлином. Но тут мы потихоньку подходим к причинам этой нашей встречи. Как ты понимаешь, если бы я захотел, ты был бы уже мертв. Даже сейчас умертвить тебя не составляет труда. Этот мрамор очень легко перетирается в пыль, и, поверь, я умею читать мысли и знаю, как это неприятно. Но ты обратил на себя мое внимание три раза, и это заслуживает личной встречи.

– ...

– Да-да. Первый раз – когда ты убил Иммануила. Честно признаюсь, это меня разозлило. Нарушило некоторые мои планы. Изменило течение некоторых событий. Но я решил: если ты настолько предприимчив, ты сможешь мне пригодиться. И я был прав! – Виктор улыбался, как мальчишка. – Ты принес мне бюст Нефертити, снова удивив меня! Да, мне пришлось опять-таки поменять планы, нарушить одни договоры и заключить другие. Но дело сдвинулось с мертвой точки. Это точно стоило жизни ангела-имбецила. Ты заставил меня задуматься о более глобальных целях, заставил заглянуть в ранее недоступное. И третий раз – сейчас, на Александрплатц. И теперь я задам тебе один вопрос, а ты, прошу, помни, что я читаю абсолютно все твои мысли и скрыть от меня что-либо невозможно. Итак, Аркадий, где Нигош?

XCVI.

Оба долго молчали. Арк – по очевидным причинам, Виктор – вслушиваясь в его обескураженные мысли. Он копался в голове Арка с тщательностью и дотошностью собаки, вылизывающей миску.

– Очень жаль, – наконец сказал он. – Нигош – очень хитрый маленький засранец, но я не думаю, что он смог бы обойти или заблокировать мои способности. Значит, ты действительно ничего не знаешь.

– ...

– Это разочаровывает. Недостаточно, впрочем, чтобы тебя убить. Ну-ка, расскажи мне, как Нигош пропал.

– ...

– Да, я вижу. Свет, вибрация. А потом вся Башня куда-то делась. Это очень интересно. Необычайно интересно. Понимаешь, Аркадий, всё дело в Башне. Я недавно задумался: куда мог сбежать мой дорогой друг Нигош? Он явно телепортировался, но вот куда? Единственное, что он хорошо делает, это порталы. Значит, в Изнанку. Но в Изнанках и я знаю толк. Я поискал его там – и учти, что там колдовство работает в сотни раз сильнее, чем на нашей скучной Земле. Ни следа Нигоша, ни запаха, ни послевкусия. Ни в одном из миллионов доступных миров. Это значит, он, скорее всего, в нашем мире, где есть хоть какие-то физические законы, где я не смог бы так просто его найти. Но тогда как он телепортировался? Вместе с Башней? Я был уверен, что это невозможно. Это заклинание должно было уничтожить всю планету. Но нет. И тогда я подумал: «Что, если Нигош – молодец? Что, если он умнее, чем я полагал? Что, если он изобрел способ телепортироваться на дальние расстояния? Вместе с огромной массой, колдовским запасом, с Башней!» Что можно сделать с такой технологией? Я буду не просто хозяином Берлина, Аркадий. Я буду хозяином мира. И тогда я решил: я его найду.

– ?..

– Я тебе это всё рассказываю, чтобы ты об этом думал, милый. А если ты об этом думаешь, я могу это прочитать. И найти в том беспорядочном клубке обрывков мыслей, который ты называешь разумом, хоть какую-нибудь тонюсенькую ниточку, которая приведет меня к нему. Так вот, я решил, что найду его. Значит, мне нужен был последний его ученик. Который неровно дышал к моей прелестной дочери. А значит, наши отношения с Доротеей пришла пора пересмотреть. Она там что-то строила против меня, планировала. Сначала с Нигошем, потом с тобой. Это не имеет значения. Мне казалось, она не важна, ею можно пренебречь... – Виктор встал с кресла, подошел близко-близко к Арку, зашептал прямо в мраморное ухо: – Ты сделал ее важной. Она должна быть тебе благодарна, хотя, конечно, это вряд ли произойдет.

Лихтенхерц снова отошел и стал расхаживать по комнате, то и дело пропадая из поля зрения Арка.

– И вот теперь мы подошли к нашей встрече. Помочь ты мне не можешь.

Виктор снова исчез и вдруг появился из-за Арка, снова противно зашептал ему в ухо:

– Или всё-таки можешь? Пока оставайся здесь. Никуда не уходи, ха-ха. Мне нужно подумать. Ты явно представлял для Нигоша ценность. Он может вернуться за тобой. Это стоит того, чтобы тебя сохранить. Единственный вопрос: оставить тебя статуей или переделать в хундескопфа?

– ...

– Совет? Ты не понял, милый. Я и есть Совет. После атаки Тараска и того, что неминуемо последует, никто в хваленном Совете мне и слова поперек не скажет. Эта битва уже выиграна. Берлин мой. Он больше не интересен. Они будут играть в демократию и права людей, налаживать системы и институты, а я уже буду захватывать прочие города и страны. С твоей помощью, конечно. С твоей помощью.

Виктор развернулся и вышел.

Арк попытался привести мысли в порядок. Ощущения были такие, словно в его голове кто-то покопался немытыми руками. Болело горло, тошнило. Общее настроение было поганым. Арк еще раз попытался двинуться, хотя бы рукой, хотя бы пальцем. Безрезультатно. Он не был покрыт камнем, он не был заключен в камень. Он и был камнем, без мышц, без нервной системы, без единого способа превращать желания в действия. А желаний было много, и они кипели у него в голове, просясь наружу.

XCVII.

Поездка в Цоо была для Лу беспокойной. Поначалу она хотела отправиться на поиски Арка, навестить Доротю, к которой тот наверняка побежал, как потерянный щенок. Лу хотела броситься за ним, но Ирджих ее остановил. «Совет, – сказал он. – Самое главное – это Совет. Самое главное – собрать всех свидетелей, остальное – это только отвлекающие факторы. Музей Боду никуда не денется. А Арк и не из таких ситуаций выкручивался». Всё равно было беспокойно. Лу понимала, что сейчас оставалась за главную в кирхе, и эта мысль почему-то смущала и расстраивала ее.

Поезд затормозил у перрона, и Лу с Пшигодой сошли. План был простой: найти профессора нематологии, пообещать ему защиту, увести из Роци в безопасность кирхи. Подготовить его как свидетеля. Карин была менее существенной целью: она ничего не знала, и ей ничто не угрожало. Другими важными аргументами на Совете были темное окно со взрывом в Поезде, коробочка с собачьими волосами и Доротя с бюстом Нефертити. На этом месте у Лу сосало под ложечкой. Исчезновение Арка оказалось совсем некстати. Лихтенхерцы не должны были уйти от наказания.

Пшигода договаривался с дуболомами, охранявшими вход в Роцу, а Лу перебирала в памяти события на Александрплатц. Ее заполняла тревога,

рожденная ответственностью. Она смотрела на Ирджиха, издали, исподтишка, и в голове ее проносились страшные образы. Они не должны были повториться.

Лу никогда не была в Роце, и если бы не четкая цель, она бы застряла в ней на целый день. Многообразие форм и цветов, необычные сочетания, запахи свежести и жизни. И, что самое важное, всё было знакомо: ели, сосны, дубы и вязы водили хороводы с пальмами и эвкалиптами. Она вдруг поняла, как ей этого недостает в остальном Берлине, где большинство деревьев увяли, а остальные мутировали до неузнаваемости. Роца при всём ее безумии казалась уголком нормальности по сравнению с пустыми бетонными улицами и ежедневными опасностями города. Ирджих, впрочем, судя по его мрачному виду, ее восторгов не разделял. Он быстро шел, почти бежал между деревьев, сворачивая в, казалось, случайных местах. Лу еле поспевала за ним из-за такой скорости. На одной из ничем не примечательных полянок Пшигода затормозил, растерянно закрутил головой, а потом посмотрел на Лу.

– Они были тут.

– Что было?

– Дома-цветки. Целый микрорайон. Вот этот вид на Танненбаум. Вот эта поляна. Тут было шесть домов-цветков. В одном из них жил фон Штейниц.

– Слушай, тут всё одинаковое. Ты точно не перепутал?

– Точно. Посмотри.

Пшигода повел ее в центр поляны. Там, посреди изумрудной травы и стаяк полевых цветов лежало что-то похожее на высохшую тряпку.

– Это лепесток. Увядший, забытый лепесток пиона. Смотри, он когда-то был розовым.

– Профессор жил тут?

– Да.

– А теперь тут нет даже его дома.

– И всех других домов, между прочим. Секунду.

Пшигода отошел на край поляны и начал шептаться с росшим там вязом. Лу побродила вокруг; кроме еще пары основательно увядших, скукоженных лепестков не было ни следа того, что тут когда-то стояли дома и жили люди.

Ирджих подошел к ней.

– Человек с таким именем не живет в Роце.

– погоди, что это значит? Где нам теперь его искать?

– Пойдем отсюда, Лу.

Они побрели назад. Лу шла мимо всей потрясающей красоты девственного леса вперемешку с ботаническим садом. И Роца больше не казалась ей подходящим местом для жизни.

XCVIII.

Они уже почти дошли до выхода из Роши, как Пшигода остановился.

– В чём дело?

– Я кое-что вспомнил. Когда я тут был в прошлый раз, то разговорился с мужичком. Он работал в офисе городского планировщика. Ему иногда дают деньги за то, что он рассказывает о каких-нибудь тайных проходах в канализации и о подсобных комнатах в метро.

– Ага, – фантазия Лу сразу начала работать. – Он может знать, как Тараск вообще попал на Александрплатц.

– Да. Я видел дыру в тоннеле, но этого мало: Александрплатц был закрыт несколькими слоями защиты, именно от таких случаев.

– И он мог подсказать, как их обходить.

– Шанс небольшой, но стоит попробовать.

– Веди.

Они вышли в обычную часть Цоо и пошли в бар под названием «Лопух и Клен». Лу никак не могла привыкнуть к разумным деревьям, так что первые несколько секунд общения с барменом были для нее легким шоком.

– Привет, Клен! – начал Пшигода.

– Привет, Пшигода! А кто это с тобой?

– Это Лу Оспри, познакомься. Лу, это Клен, мой старый приятель.

– Очень приятно, – выдавила из себя Лу.

– Мне тоже, фройляйн, мне тоже.

– Слушай, Клен, я тут ищу одного мужичка. Дело к нему есть, заработать может нехило. Городской планировщик, помнишь такого? Часто у тебя ошивался.

Ругань Клена была скрыта шелестом листвы.

– Помню конечно. Вчера приперся, уже пьяный. Пил весь вечер. Его стошнило под стойку. Рыдал, ко всем приставал. Омерзительный тип.

– А где он живет, не знаешь?

– Где живет, не знаю, а отсыпается он сейчас у меня в задней комнате. А вы пока, фройляйн, присаживайтесь, послушайте историю старого дерева. Налить вам чего-нибудь?

– Может быть, чаю?

Пока Ирджих извлекал нужного человека из задней комнаты и объятий Морфея, Клен начал, скрипя и кряхтя, рассказывать историю своего бара – очевидно, уже в сотый раз. Чай оказался вкусным, но история была не очень интересная, и когда Пшигода вышел в общий зал, крепко ведя за плечо невзрачного мужика лет пятидесяти пяти, Лу обрадовалась. Сонного и несговорчивого планировщика оттащили за дальний столик, и чашка крепкого чая привела его в относительно здравомыслящее состояние. Здравомыслящее настолько, что, когда Пшигода завел речь об Александрплатц, мужик попытался сбежать. У него не получилось, но остаток разговора он провел, чуть пригибаясь под тяжестью руки Ирджиха.

– Было дело, обращались ко мне недавно с подобными вопросами, – довольно быстро сознался мужик, которого звали Дитрих Шпенглер. – Я нашел старые планы подземного комплекса Александрплатц, тоннелей У-Бан, всего.

– А кто спрашивал?

– Имен не знаю.

– Напрягись.

Дитрих зажался, весь как-то съежился, почему-то покосился на Клена. Тот совершенно не обращал внимание на происходящее.

– Не хочу говорить, – сказал Шпенглер.

– Поедем сейчас с нами, – прошептала Лу. – В Иммануилкирхе ты будешь в безопасности. Завтра расскажешь свою историю Совету – и всё, ты свободен. А если сейчас уйдешь от нас, тебя повесят на ближайшей лиане.

Дитрих сглотнул и кивнул. Спасательная операция прошла удивительно мирно. В «Лопухе и Клене» оказался задний выход, и Пшигода огородами провел всех на станцию Поезда. Они уже сидели внутри, как по перрону пробежали несколько дуболомов, они о чём-то спорили с машинистом, махали ветвями. Поезд тронулся, невзирая на их крики.

Они отъехали от Цоо на довольно дальнейшее расстояние, и только тогда Лу смогла немного расслабиться. Судя по всему, никто не ожидал того, что они найдут Дитриха и он станет еще одним тузом в их колоде. Когда Поезд проезжал по Музейному острову мимо музея Боде, у Лу засосало под ложечкой. Она знала, что шансов мало, но на всякий случай изо всех сил выпустила телепатический импульс: «Арк!»

Никто не ответил.

ХСХІ.

В кирхе Дитрих немного расслабился, осмелел и начал торговаться. Пшигода отвел его в сторону для дальнейших увещеваний, а Лу осталась в своем кабинете и начала готовиться к заседанию Совета. Лист бумаги со схемой связей и махинаций был пересмотрен и обновлен. Лу прогоняла в голове все аргументы, которые можно было привести и тем самым доказать свою правоту, и что-то у нее не складывалось. Чего-то не хватало, и виновницей этого была Доротея. Не до конца понятно, зачем была затеяна вся эта история с бюстом, если, как только его вернули, Лихтенхерцы сразу напали. «Арк бы разобрался, – подумала Лу. – Боже мой, как я хочу, чтобы он сейчас вошел в дверь, улыбнулся, решил все проблемы какой-нибудь хитрой идеей». Но дверь не собиралась открываться. Всё нужно было делать самой. Ирджих поможет, конечно, но ответственность – на ней.

Дитрих выторговал себе проживание в кирхе, пока всё не уляжется. Требование было разумное, и Пшигода согласился, а потом привел планировщика в кабинет Лу. Ни на что неожиданное Дитрих света не пролил: к нему пришел хундескопф и

предложил деньги за старые схемы метро в районе Александрплатц. Самому Дитриху уже месяц с небольшим приходилось перебиваться самым дешевым пивом, поэтому он не раздумывая согласился. Добыл схемы, отпраздновал, сходил в бордель. По собственному заявлению, пожил немного полноценной жизнью. Потом случился Александрплатц. Дитрих очень быстро всё понял и ударился во все тяжкие. Люди, которые на такое способны, очень быстро бы его убрали. Вот он и решил выпить всё, что успеет. А на следующий день его нашли Лу с Пшигодой.

Дитрих, поначалу создавший о себе жалкое впечатление, начинал нравиться Лу всё больше и больше. Особенно когда совершенно спокойно согласился участвовать в завтрашнем заседании Совета как свидетель обвинения. Было видно, что с рассасыванием алкоголя в нем начинает просыпаться совесть.

Лу рано пошла спать. День предстоял тяжелый, и было важно привести мозг в максимально рабочее состояние. Но на подходе к своей спальне она вдруг остановилась. Ее шрам под татуировкой потеплел, словно к нему поднесли свечу. Мысль о том, что кто-то смог проникнуть в кирху, поначалу напугала ее, но она собрала силы и резко открыла дверь. Ведь это был ее дом. И здесь ей не было равных.

Посередине ее спальни стояла крыса. Большая, какая-то облезлая, больная на вид. Лу вспомнила свой давнишний обед, когда она была скопой, и ее замутило. Крыса посмотрела на Лу глазами-бусинами, по-человечески подмигнула и трансформировалась. Зрелище было жутким: кости и жилы крысы увеличивались в размерах, кожа омерзительно натягивалась и теряла остатки шерсти. Лу превращалась в птицу и обратно гораздо более эстетично. В конце концов крыса выросла до размеров человека, окончательно полиняла и встала на ноги. В комнате стоял полуголый Гастон. Лу не видела его с тех пор, как была миньоном Иммануила. Он сильно изменился: кожа стала тусклой и как будто тонкой, на ней отчетливо проступали шрамы от чего-то острого – то ли клыков, то ли когтей, то ли странного оружия. Мышцы его лица постоянно двигались в сложном тике. Во рту не хватало пары зубов.

– Здраштвуй, Лу Ошпри, – сказал он. – Ишь, какая ты штала. Помнишь меня?

Лу сжала кулаки. Гастон не представлял реальной опасности внутри кирхи, да и вне ее. Но память о нем, о том, как он обращался со всеми миньонами женского пола, о сальных взглядах и потных руках, о неспособности ему ответить и противостоять, заставила ее замяться. Ее затошнило, еще сильнее, чем когда она увидела крысу.

– Вижу, помнишь, – щербато улыбнулся Гастон. – Мой Хожяин Этваш Андереш передает тебе привет. Он в швоей бешконечной мудрошти жнал, что я шмогу проникнуть в Иммануилкирхе, когда жахоцу. И прикажал мне доштавить тебе пошлание. Не так давно Андереш оказал вам услугу, тебе и Аркадию. Теперь

наштало время платить по щетам. Не ходи жавтра к Шовету, Лу Ошпри. Шиди дома. Молщи о том, што жнаешь. Вот и вша услуга.

– Твой хозяин договаривался с Арком, а не со мной. Я ничего ему не должна, – спокойно сказала Лу. – И вот мое ответное послание.

И раздавила крысу.

С.

По дороге до Совета все были напряжены и серьезны. Они выехали всей командой: Лу, Пшигода, Акхил, Пилар, а также Ульрих и Павел, чьей единственной задачей была охрана Дитриха. На этот раз Совет Одиннадцати собрался в Трептов-парке, прямо на развалинах монумента советскому солдату. Они доехали до Острокройца, а оттуда долго шли – по мосту через Шпрее, а потом по лесу, поминутно ожидая засады. Группа была вооружена до зубов. Несмотря на предчувствия, добрались мирно. На месте назначения их взгляду открылась странная картина: одиннадцать стоящих дугой каменных кресел были возведены под большим прозрачным навесом. На него мягко падал и скатывался снег. Над всем этим возвышался холм с невысоким постаментом, где когда-то, как смутно припоминала Лу, стояла гигантская статуя с мечом. Сейчас постамент пустовал. Кресла как бы окружали его, образуя странный амфитеатр с одиннадцатью зрителями и небольшой сценой на возвышении. От всего комплекса веяло очень сильным колдовством. «Это суд, – поняла Лу. – Зал суда».

Все кресла уже были заняты. Сидевшие на них колдуны тихо переговаривались.

Навстречу группе Лу вышел Теофан.

– Пожалуйста, поднимайтесь на холм. Вас будут вызывать по мере необходимости.

На холме позади постамента уже скопилось несколько человек. Лу узнала Доротею и ее учеников. Та на нее даже не посмотрела.

– На Совет приглашается Луизиана Оспри, – объявил Теофан усиленным заклинанием голосом.

– Не могут без церемониала, – буркнул Пшигода.

По узкой винтовой лестнице Лу поднялась на пьедестал. Сверху был виден весь Совет во всём его великолепии. Первым слева сидел мальчик лет четырнадцати, со светящимися оранжевыми глазами, Этвас Андерес. За ним возвышался гигант в феске, Падишах из Шарлоттенбурга. Справа от него сидела Ведьма из Вильмерсдорфа, молодая рыжеволосая красотка. Далее на каменном кресле стоял горшок с ростком Танненбаума. Потом сидел очень высокий и худой человек в очках с темной оправой. Это был Александр. Лу чуть дольше всматривалась ему в глаза, ища какое-то оправдание за Александрплатц, но он был увлечен разговором с соседом справа, Скелетом из Моабита. За ним три кресла занимала семья Лихтенхерц – Виктор, Вильгельм, высокий статный красавец, ничуть не

похожий на отца, и Клавдия. Виктор тоже удостоился более пристального внимания Лу. В отличие от остальных, он не вызывал страха и был похож на обычного человека, случайно затесавшегося в компанию фриков. За ними сидели Сивилла из Кёпеника, а замыкал всё лиловый Куб из Гезундбруннена. Весь Совет был в сборе.

Скелет театрально откашлялся и сказал:

– Уважаемый Совет. Мы начинаем наше экстренное заседание, посвященное недавней атаке на Александрплатц. Мы созвали несколько очевидцев произошедшего. Первой озвучит свое видение событий Луизиана Оспри, великая колдунья Пренцлауэр-Берга, непосредственная свидетельница и участница событий, проявившая героическую выдержку и самообладание, защищая жителей Александрплатца.

Одиннадцать могущественных существ устремили внимание на Лу.

Ей стало неловко, но она начала твердо и уверенно:

– Я не только озвучу свое видение событий. Я скажу, кто в этом замешан и кто стоит за атакой.

Если Лу до этого думала, что всё внимание устремлено на нее, то теперь она ощутила его с утроенной силой. Заметила сразу несколько телепатических атак на ее разум и одновременно почувствовала, как активизируется защита постаментов. За ее разум началась война. Она запнулась, но продолжила:

– За последние две недели мы с моей командой собирали сведения о взрыве Поезда, произошедшем в октябре. Мы нашли неопровержимые свидетельства, что за этим терактом и атакой на Александрплатц стоят одни и те же люди. Мало того, мы пришли к выводу, что взрыв Поезда был задуман исключительно для того, чтобы впоследствии призвать Тараска и управлять им. Люди, спланировавшие и осуществившие эту серию возмутительных и преступных действий, действий против жителей всего Берлина, сидят сейчас среди вас, уважаемые члены Совета. И эти люди – семья Лихтенхерц.

Над Трептов-парком повисло тяжелое молчание.

СІ.

– Продолжайте, пожалуйста, – наконец сказал Скелет.

И Лу продолжила. Начала она с событий на Александрплатц. Сухо излагала факты и собственные наблюдения. В процессе рассказа у Лу резко заболела левая рука и помутнело в голове, но она пересилила неприятные ощущения. Затем она вернулась ко взрыву Поезда, рассказала историю Грега, наемника с Цоо, показала волосы хундескопфа, вызвала наверх Акхила, который подтвердил, что волосы собачьи. Рассказала историю бюста Нефертити, который похитили при взрыве. Вызвала Пшигуду, который рассказал о профессоре фон Штейнице, пропавшем в Роцце, об его исследованиях Тараска и о значении бюста. Вызвала

Дитриха, который подтвердил, что его тоже нанимал хундескопф. Снова вернулась к событиям на Александрплатц. Ее ни разу не перебили, не задали уточняющего вопроса. Члены Совета были поражены услышанным. По крайней мере, некоторые. Лу умолчала о вероятном участии Танненбаума в общей схеме. Также она ничего не сказала о вчерашнем визите посланца от Этваса Андереса.

Виктор Лихтенхерц слушал совершенно спокойно, даже расслабленно. Когда Лу дошла до бездействия Александра, он допустил легкую улыбку. Сам Александр выглядел невозмутимым и бесстрастным. Клавдия была явно озабочена, но старалась не подавать вида. Вильгельм был возмущен, и его возмущение по мере хода рассказа переходило в ужас.

Когда Лу закончила, Виктор спокойно встал с каменного кресла.

– Уважаемый Совет, – просто сказал он. Его голос был тихим и покладистым. Он словно уговаривал детей лечь спать в обмен на интересную сказку. – Мы услышали ужасные вещи. Разрешите мне сказать несколько слов в оправдание нашей семьи.

– Говори, Виктор, – сказал Александр.

Другие члены Совета закивали в согласии. Воздух резко наполнился колдовством. Вильгельм и Клавдия с одной стороны и Скелет, Ведьма и Сивилла с другой оцетинились защитными заклинаниями. Уже довольно давно Совет не был так близок к войне.

– С прискорбием вынужден признать правоту некоторых... да нет, всех обвинений в адрес семьи Лихтенхерц, которые мы только что услышали, – хорошо поставленным тоном начал Виктор Лихтенхерц. – Большая часть вины лежит именно на мне. В результате моей халатности, моей беспечности, я... я расскажу с самого начала. В последние несколько дней я проводил собственное расследование. Все мы наверняка помним колдуна по имени Нигош Черный. Его Башня раньше была видна с того места, где мы в данный момент находимся. Некоторое время назад он вступил в конфликт с моим сыном Вильгельмом. Конфликт был на... личной почве, и, с позволения Совета, я не буду углубляться в подробности этого конфликта. Скажу лишь, что Вильгельм был уязвленной стороной. Мой сын крайне горд. Крайне горд и... раним.

– Это неправда! – крикнул младший Лихтенхерц.

– погоди, Вильгельм, я скажу сам. За это есть и моя ответственность. В общем, конфликт из личных взаимоотношений перешел в колдовское противостояние. Именно тогда, как я предполагаю, Вильгельм разыскал исследования профессора фон Штейница и задумал атаку Тараска. Для этого ему потребовался бюст Нефертити – артефакт невообразимой силы, которым владела сестра Вильгельма.

Доротея Лихтенхерц поднялась на постамент и встала рядом с Лу, не обращая внимания на ее разъяренные взгляды.

– Да, отец, я подтверждаю, Вильгельм просил у меня бюст Нефертити еще прошлым летом. Сначала он предлагал несколько ценнейших статуй из Нового музея взамен, потом угрожал силой. В октябре взрывом Поезда развалило часть стены музея Боде, в точности как рассказала Лу Оспри, и мои же хундескопфы смогли украсть бюст. Он упал в Шпрее и на какое-то время сгинул.

– Я... – пролепетал пораженный Вильгельм, но Виктор лишь махнул рукой.

– После того, как стараниями команды Пренцлауэр-Берга бюст вернулся ко мне, Вильгельм предложил сделку еще раз. На этот раз я согласилась. Статуи, которые он мне передал в обмен, вы можете найти в музее Боде.

– К этому времени Нигош уже переместил свою Башню в Изнанку и сбежал, – продолжил Виктор. – Вильгельм предполагал, что Нигош прячется на Александрплатц, у своего давнего, хм, покровителя Александра, – и Виктор отвесил тому издевательский поклон.

Александр усмехнулся.

– Именно там Вильгельм, обезумев от горя и ревности, и спланировал свой теракт, вероятно, рассчитывая, что Тараск свалит телебашню с ее обитателями. Он подкупил одного из местных лидеров, Серба, и тот при помощи информации, полученной от Дитриха Шпенглера, вызвал Тараска. Мои люди нашли Серба, и он, в обмен на снисхождение Совета, согласился дать показания.

СII.

Один из стоящих внизу людей скинул маскирующее заклятие и оказался Сербом на своей коляске. Теофан не пустил к нему разъяренного Пшигоду и пролевитировал его наверх, на постамент, к Лу и Доротее.

Серб, разумеется, полностью подтвердил слова Виктора.

– Вильгельм пришел ко мне лично, – проникновенно рассказал он. – Пообещал много добра. Если всё получится – власть над Александрплатц, конечно. Мы взломали несколько дверей в глубинных тоннелях. Сняли защиту... Когда я прочитал заклинание, бюст Нефертити рассыпался в прах у меня в руках. Потом мы убежали, не оглядываясь.

Лу беспомощно смотрела на членов Совета. Они ввали – Виктор, Доротее, Серб. Это было очевидно. В глазах Вильгельма она прочла подтверждение этого – молодой человек был в ужасе. Лу еще никогда не видела кого-то настолько могущественного настолько напуганным, и только совершенная несправедливость ситуации подавляла растущее в ней злорадство. Сделать она, впрочем, ничего не могла. Версия Виктора не противоречила найденным ими фактам, обтекала все острые углы и врывалась в незаполненные лакуны событий. Если быть уверенным, что ни один свидетель не лжет, картина получалась достоверной. Беспомощность вновь захлестнула ее.

– Вильгельм Лихтенхерц, – обратился к нему Александр, – что вы можете сказать в свое оправдание?

Вильгельм вскочил с каменного кресла. Щеки у него ярко пылали, некогда красиво уложенные волосы топорщились.

– Это абсолютная ложь, от первого и до последнего слова. Я не устраивал никаких терактов. Не контролировал Тараска. Не взрывал Поезд. Мы с Нигошем никогда не...

Он осекся, и Лу не сразу поняла, почему. По Трептов-парку разлился новый, неприятный запах. Его почуяли все присутствующие. Запах приторный, дурманящий, запах лжи. Это сработали наложенные на постамент веритативные заклинания. Вильгельм, наверное, решил, что Виктор каким-то образом их отключил. И в пылу рассказа соврал.

– Ну... в смысле, я...

– Довольно, – прервал Вильгельма Падишах. – На ложь у нас времени нет. Мы начинаем совещание.

– Нет, постойте...

– По понятным причинам я попрошу всю семью Лихтенхерц воздержаться от обсуждения и вынесения вердикта, – сказал Скелет.

Под одобрительные возгласы из его пальцев-костяшек полился ослепительно белый свет и закутал Виктора, Клавдию и Вильгельма в плотные коконы. Вильгельм ударил по своему, что-то прокричал, но безрезультатно. Он был полностью изолирован от мира. Два старших Лихтенхерца ждали с покорным выражением на лице.

Колдовской навес над Советом сгустился, опустился вниз и закрыл кресла и сидящих на них существ от посторонних глаз. Совет начал прения.

Лу посмотрела на Сербана. Он мелко дрожал, потный, вонючий. Его взгляд бегал туда-сюда, ни на чём не фокусируясь. Лу он словно не заметил. Заклинаний на нем не было, и Лу предположила, что ему просто скормили какой-то наркотик. Она повернулась к Доротее. Та быстро курила в стороне.

– Где Арк?

Доротея вздохнула, потом посмотрела ей в глаза.

– Он умер, Лу. Мне очень жаль, правда.

Колдунья казалась искренней. Ее левая рука теребила фиолетовый шарф.

Лу отвернулась. Ей хотелось ударить Доротее, закричать, метнуть в нее молнию. Вместо этого она посмотрела вниз, где у подножия холма стоял Ирджих. И встретила с ним взглядом.

СIII.

Прошло много времени, больше часа. Наконец купол вернулся на свое прежнее место и снова стал прозрачным. Восемь из одиннадцати членов Совета спокойно

располагались на своих местах. С Лихтенхерцев, как пух с одуванчиков, облетали белые коконы.

– Мы готовы огласить наш вердикт, – сказал Падишах из Шарлоттенбурга. – После долгих споров нам удалось достичь консенсуса.

– Серб, – сказал Александр, – за участие в нападении Тараска на Александрплатц ты и твои люди, имеющие к этому отношение, объявляются в Берлине вне закона и приговариваются к смертной казни. Приговор в отношении тебя будет исполнен немедленно.

Рот Серба распахнулся в крике, но звука не последовало. Вместо этого из его горла, носа, ушей и глаз хлынула вода. Тучное тело на коляске задергалось, выгнулось, чуть набухло, а затем обмякло.

– По поручению Совета Ведьма из Вильмерсдорфа привела приговор в исполнение, – сказала молодая рыжеволосая женщина.

– Вильгельм Лихтенхерц, – прошелестел Танненбаум. – За организацию нападения Тараска на Александрплатц, организацию взрыва Поезда около музея Боде, похищение бесценного артефакта и прочие преступления вы объявляетесь в Берлине вне закона и приговариваетесь к смертной казни. Приговор будет исполнен немедленно.

На этот раз всё прошло менее гладко. Вильгельм сорвался с места, выпустил два хлестких заклинания, одно из которых сверкающим сгустком раскаленной плазмы полетело в сторону Танненбаума, а второе ударило искрящимся красным кнутом по Виктору. Сгусток был перехвачен Кубом из Гезундбруннена, который сменил цвет на сиреневый и на несколько секунд превратился в Тетраэдр. Кнут же попал по Виктору, прошел насквозь и проплавил каменное кресло под ним. Виктор продолжал смотреть на сына, улыбаясь грустно и покорно. Заклинание не нанесло ему никакого вреда.

Александр вскинул руку и стер Вильгельма. Того просто не стало. Груда пустой одежды, волос, зубов и ногтей упала в траву.

– По поручению Совета Александр привел приговор в исполнение, – печально резюмировал он.

– Виктор Лихтенхерц, – сказала Сивилла из Кёпеника, – а теперь – по поводу выдвинутого против вас обвинения и той вины, которую вы несете за преступления членов своей семьи. В свете предоставленной вами информации обвинение считается недоказанным. Тем не менее вы признаетесь частично ответственным за случившееся. Совет лишает вас права вето на все грядущие голосования. Кроме того, Совет принимает решение о физическом наказании.

Всё тело Виктора выгнулось от непереносимой боли. Его руки и ноги задержались, как у марионетки. Из глаз брызнули слезы. Он упал на колени и задрожал, словно тысячи невидимых игл вгрызались ему под кожу. Вот теперь Лу испытала

злорадство. Это было мелочное, неправильное чувство, но оно принесло ей удовлетворение.

На протяжении всего наказания Виктор не издал ни звука. Когда всё кончилось, он поднялся, отряхнул помятую одежду, вытер лицо. Клавдия намочила платок и предложила ему вытереться. Спокойно, твердым шагом он вернулся к своему разломленному почти пополам креслу и сел в него. Он всё еще улыбался, грустно и мудро.

– По поручению Совета Скелет из Моабита привел приговор в исполнение, – сказал внимательно рассматривающий Виктора Скелет.

– Место Вильгельма в Совете заменит моя дочь, Доротея Лихтенхерц, – как ни в чём не бывало заявил Виктор.

Возражений не последовало. Все напряженно молчали. Доротея спустилась с постамента и холма, прошла чуть вперед, уселась на свободное каменное кресло. Всем своим видом она излучала триумф.

У Лу защемило сердце. После всего, что произошло, Виктор выиграл? Она посмотрела на Александра в растерянности. Тот никак не отреагировал, притворившись, что у него запотели очки.

CIV.

Этвас Андерес откашлялся, намекая, что заседание еще не закончилось.

– Луизиана Оспри, – сказал он.

Лу приготовилась к худшему. Она, вероятно, сможет успеть превратиться в скопу, взмыть как можно выше, убежать...

– Почти две недели назад Аркадий Колесничий получил задание расследовать взрыв на Поезде. Многие произошло с тех пор. Аркадия с нами больше нет. Несмотря на его смерть, задание было выполнено корректно и раньше срока. Ответы получены. Виновные наказаны. Совет признает вашу в этом заслугу. Это задание было проверкой способностей – ваших лично и вашей команды. Вы прошли эту проверку. Как вам известно, важной частью грядущих в Берлине изменений будет создание официальной и единой полиции. Она будет обязана следить за исполнением новых принятых законов. Луизиана Оспри, Совет Одиннадцати предлагает вам должность главы этой организации. Вам будут выделены необходимые ресурсы. Полицейские будут обладать особым набором заклинаний. Они станут полноправными представителями Совета, – оранжевые глаза четырнадцатилетнего мальчика, казалось, смотрели Лу прямо в душу. – На правах главы полиции вы лично будете принимать живое участие в судьбе Берлина, в формировании его дальнейшего облика. Создавать его будущее. У нас даже есть прототип жетона полицейского, лично для вас.

Этвас Андерес раскрыл ладонь, и Лу увидела блестящий, небольшой, искусно отделанный значок. Это был кусок серебристого металла в виде щита с гербом. На

гербе выгравирован вздыбленный медведь. В сам жетон хитро вплетены десяток защитных и боевых заклинаний. А еще это был Амулет Верности.

Лу не поверила своим глаза. Если бы она не носила его у себя на груди в течение нескольких лет, она бы так этого и не поняла. Это был не топорно сделанный артефакт, как у Иммануила. Жетон обладал огромной силой и сделан был тонко и хитро. Но от него, как и от квадратных уродливых табличек Иммануила, исходил запах рабства. «Ахил был прав, – поняла Лу. – Никто из них не играет по-честному. Никто из них не хочет ничего, кроме власти. Никакой честной полиции не будет. Если честной полицией не буду я».

– Уважаемый Совет, – произнесла Лу. – Я принимаю ваше предложение с благодарностью. Для меня и для всей моей команды это огромная честь. Ваше доверие стоит очень многого. Я, однако, не могу принять от вас этот артефакт. И единственным моим условием будет то, что полицейские Берлина не будут полноправными представителями Совета. Они будут полноправными представителями города. Как мы видели сегодня, и члены Совета могут представлять угрозу для простых жителей. Именно поэтому мы, полицейские, разработаем собственное оружие, собственные жетоны и собственную защиту. Мы будем ревностно следить за исполнением ваших законов, но мы не будем закрывать глаза ни на кого и ни на что. Независимость будет во всём, включая Совет. Только так мы сможем дать жителям Берлина тот город, который они заслуживают, честный и безопасный. Если мой подход видится вам справедливым, я могу начать с завтрашнего дня. И буду неусыпно и непреложно беречь город и его жителей.

«В том числе от вас, говнюки», – громко подумала она. Некоторые члены Совета ощутило вздрогнули от этой мысли.

Совет снова накрылся своим куполом. На этот раз совещание было недолгим.

– Совет принимает ваше предложение, Лу Оспри, – резюмировал Скелет из Моабита. По его зависшей в воздухе челюсти невозможно было определить, улыбается ли он.

Лу спустилась вниз, к своей команде.

– Мы только что стали новой полицией Берлина, – сказала она. – Я приняла это решение за себя и пойму, если кто-то не захочет в это участвовать. Но, Ахил, – быстро продолжила она, увидев, что индус хочет что-то сказать, – я только хочу добавить, что ты был абсолютно прав. И нам очень потребуется твоя помощь, чтобы что-то действительно изменить.

Ахил кивнул и глубоко задумался. Лу почувствовала укол совести за эту маленькую манипуляцию.

– Я согласен, – сказал Пшигода.

– Я тоже, – поддержала его Пилар.

– И я, – Ахил посмотрел в глаза Лу. В его взгляде сверкал металл.

Павел и Ульрих тоже сразу согласились.

Всех удивил Дитрих Шпенглер, который также попросился в команду.

– Вам же будет нужен человек, досконально знающий город, – сказал он.

Лу не смогла не согласиться с его логикой.

– Я пока еще не знаю всех деталей, – произнесла она. – Но мне показалось, что если мы останемся действительно независимыми, это наш шанс построить что-то стоящее. И еще одна новость. Доротея сказала, что Арк мертв.

– Ты ей веришь? – спросил Пшигода.

– Я не знаю.

– Вот и я не знаю.

CV.

Счет времени. Само это понятие для камня потеряло всякий смысл. Мысли камня по имени Арк разбредались и путались, трескались и делились на отдельные витражные фрагменты. Он понятия не имел, какое сейчас время суток, сколько дней прошло с визита Виктора. Или сколько лет. В комнате было темно и не было окон. Он пробовал считать в уме, но сбился. Несколько раз. После чего забросил эту затею, в основном от скуки. У него не было никаких телесных сигналов типа изменения пульса или усталости. Рана в плече болела, казалось, слабее, чем раньше, но Арк не знал, из-за чего это происходит: от хода времени или просто как следствие превращения в камень и притупления ощущений. Все другие чувства тоже были приглушены. Единственное, что было живо и било в полную силу, это страх. Страх, что он окончательно превратится в камень и пропадет, потухнет, как свеча, останется античной скульптурой. Страх, что его просто перетрут в порошок и развеют по Шпрее. Страх, что вернется Виктор и превратит его в хундескопфа, безвольного и послушного раба с собачьей головой. Последнее было даже страшнее, чем первые два варианта развития событий. В центре всех страхов находилась полная беспомощность, клаустрофобия от того, что оказался запертым в собственном теле, и понимание: любой его враг может прийти и сделать с ним абсолютно всё что угодно.

А врагов было много, и они были близки.

В какой-то момент барахтанье Арка в собственных страхах прервал скрип двери. Страх тут же усилился в сотню раз, сердце Арка сделало кульбит, а потом вдруг всё пропало. Совсем. Как будто его способность к страху была переполнена и мозг просто на какое-то время отказался ее воспринимать.

В комнату вошла Доротея. Движения ее были странные, неловкие. В первую секунду Арк подумал, что колдунья ранена, но довольно быстро понял, что она пьяна. Доротея подвинула кресло поближе к его постаменту, вальяжно на нем раскинулась. В руке у нее появилась сигарета, из кончика которой потянулась струйка дыма.

– Я победила, – сказала Доротея Лихтенхерц чуть плывущим голосом. – С твоей помощью, дорогой, поэтому можно сказать, что победили мы. Сегодня Виктор Лихтенхерц дал мне место в Совете, и ни одна сволочь даже не пикнула. Я получила... получила всё. А отдать нужно было всего-то безделушку, которую у меня и так украли.

«И меня», – подумал Арк.

Но Доротея либо не умела читать мысли так же хорошо, как Виктор, либо игнорировала их.

– Я так надеялась на Нигоша... Он был такой хитрый, такой... убедительный. А помог мне его ученик, его комнатная собачка. Ты действительно нечто, Арк. Удивительная сила воли, целеустремленность, мотив...ация. Абсолютное непонимание того, как работает наш прекрасный новый мир.

Доротея встала с кресла, чуть качаясь подошла к Арку, уперлась ладонью в его грудь.

– Жаль, что для того, чтобы тебя раздеть, нужно тебя рас...каменить, – она хихикнула, продолжая рыскать руками по его телу. – Я бы хотела тебя как-нибудь наград...ить.

Арк почувствовал себя дурно. Тонкие пальцы Доротеи требовательно щупали у него между ног.

– М-м-м. Мне нужно будет поэкс... поэкс...риментировать с частичной декаль...ци...фикацией.

Арк не мог пошевелиться. От Доротеи несло алкоголем и потом, и эта смесь запахов ощущалась даже каменным носом. Наконец Доротею надоело, она отошла в сторону и упала в кресло. Сигарета в ее руке догорела и пропала, ее заменил бокал с шампанским. Она жадно выпила больше половины.

– Что-то мне подсказывает, что ты меня осуждаешь... Не волнуйся так. Ты молодец, что сам пришел. Когда вы отдали мне Нефертити, и ко мне появился Виктор, я испугалась... Он, наверное, мог убить меня прямо на месте. Даже в моем музее. Но он предложил сделку. Место в Совете. И всего лишь нужно было отдать бюст и подтвердить его слова. И отдать тебя, дорогой. Он там как-то вмешался в веритативные заклинания. Я врала, но в тот момент верила, что говорю абсолютную правду. Что я святая. Виктор очень силен. Если бы ты не пришел, следующая атака была бы на Иммануилкирхе. Или как вы ее называете? Аркадийкирхе? Неважно. Теперь она Лукирхе. Лукирхе! – Доротея рассмеялась. – Виктор убил бы всех... Твою подружку, здоровяка, с которым она спит, всех. А ты сам пришел. Так всем хорошо. И Виктор спокоен. И мне хорошо. И даже твоя подружка кем-то стала, слышишь? Я бы восхитилась самопожерт...ванием, если бы не знала, что это на самом деле глупость...

Доротея продолжала что-то говорить, периодически икая, но Арк перестал ее слушать. В ее потоке сознания было что-то очень важное, какое-то вскользь

брошенное слово, оставившее след в его мозгу. И он изо всех сил старался это слово вспомнить, понять его значение, дойти до его сути.

Времени у него было много.

CVI.

Они стояли сплоченной группкой на небольшом клочке земли, зажато между кирхой и соседним домом, в укрытии нескольких тяжелых деревьев. Лу, Ирджих, Акхил, Пилар с Мигелем, Оксана, Павел и Ульрих. Рядом было несколько старых, полускрытых землей досмещенских могил и одна свежая. Никто не знал, что говорить.

– Он вернул мне мою жизнь, – начала Лу. Шрам под татуировкой на ее щеке болел. – После Смещения я какое-то время была потеряна. Молодая девчонка в незнакомом городе. Я приехала сюда из школы, по обмену, у меня было углубленное изучение немецкого, дома, в Миннесоте. Потом произошло то... что произошло. Я бомжевала, а затем меня нашел Иммануил. Он был потрясающий. Для меня, тогда. Казался ангелом-спасителем. На самом же деле он поработил мою волю, почти стер мою личность. К женщинам и мужчинам миньонам тоже было разное отношение. В общем, Арк не просто спас мне жизнь. Он вернул ее, восстановил из зачаточного состояния. Потом, когда я вернулась, то больше всего на свете хотела отомстить. Он не дал мне. Не дал убить человека из мести. И это тоже было важно для меня. В то время, для той, кем я тогда была. Арк казался отстраненным, иногда даже грубым, но он был очень добрым. И эта доброта позволяла увидеть за его целеустремленностью и его напором настоящего человека.

– Я познакомился с Арком случайно. За это нужно поблагодарить Сербца, – Пшигода усмехнулся. – Арк был очень изобретательным, цепким курвиным сыном. Он мог выпутаться из любой ситуации... почти. Он был хорошим другом, бесконечно надежным товарищем. Он никогда не жалел себя, если нужно было что-то сделать. Если нужно было пробить стену лбом, он бы вышел с другой стороны весь в крови. И он был готов на всё ради своих друзей.

– Он был прекрасным товарищем, – сказала Пилар. – Здесь нет его тела, но душа его останется с нами, в этой кирхе. И лучшей защиты я бы не могла придумать. Я думаю, пришло время ее переименовать.

Все кивнули.

– Он не очень хорошо играл в го, – сказал Акхил. – Но он был очень хорошим учеником. Он схватывал всё на лету, поглощал знания и сразу же мог применить их на практике. Человек с такими способностями, получивший огромные силы, мог бы направить их во вред другим. Но не Арк. Мы с ним часто спорили о природе и смысле власти. И он был одним из тех немногих людей, которые совершенно в ней не заинтересованы. Вообще. Добившись своего, получив власть, он не

злоупотреблял ею и не наслаждался ею. И нам всем стоит помнить этот его пример.

– Я была знакома с отцом Арка, – сказала Оксана, и все удивленно посмотрели на нее. – До Смещения Арк приехал в Берлин, устроился стажером в компьютерную фирму. Его отец, мой бывший однокурсник, позвонил мне, попросил помочь. Я помогла Арку поискать квартиру, устроиться. Отец Арка был ярким, харизматичным человеком со взрывным темпераментом. Мы все были немного влюблены в него в институте. Но он оказался плохим врачом, а потом и плохим отцом. Не буду тут вдаваться в подробности... Когда приехал Арк, я поразились, насколько он не похож на отца. Очень спокойный, очень рассудительный, умный. После Смещения я не видела его пару лет, даже не знала, что он жив. Когда мы в следующий раз увиделись, он уже был учеником Нигоша. Мне это не нравилось, но поделаться я ничего не могла. Но я всегда знала, что он перерастет Нигоша, выйдет на свой путь. И была рада, когда так и получилось. Мы никогда не узнаем наверняка, что Арк сделал там, на площади. Но я заявляю вам, что благодаря этому много людей осталось в живых. И, возможно, даже кто-то из стоящих тут сейчас. Арк, я никогда тебя не забуду.

– Мама, он не умер, – громко сказал Мигель.

Четыре звонких слова прорезали воздух, запутавшись в кронах деревьев. Ответом им было молчание.